

Глава 27. Плоть и кровь

Врата Сюаньцзе, разумеется, не смели пойти на открытый конфликт.

Даже если бы они объединились с Башней Воющей Луны и всеми остальными школами, у них всё равно не хватило бы сил бросить вызов Дворцу Небесного Предела. Глава школы, Хуа Цзиньюнь, и сам не планировал доводить дело до открытой вражды.

Юй Уцюэ казался ему всего лишь заурядным адептом внутреннего круга.

«С какой стати Дворцу Небесного Предела из-за одного безвестного мальчишки рисковать репутацией и лезть на рожон? — размышлял Хуа Цзиньюнь. — К тому же повод для его поимки безупречен. Пусть суровая кара падёт на него от рук Обителя Безмерности, Врата Сюаньцзе тут ни при чём».

Он рассчитывал увести Юй Уцюэ под благовидным предлогом конвоирования провинившегося адепта подальше от земель Дворца Небесного Предела, чтобы в дороге лично учинить допрос. Пусть Бай Инчи и разворошил старый пепел шестнадцатилетней давности, о таинственном ключе он благоразумно умолчал, а слухи о воскрешении великого мастера марионеток древности Цзи Сюаня туманно опроверг. Но когда на кону стояла целостность драконьей жилы и сокровищницы рода Хуа, он не собирался верить чужим словам. Только личная проверка, только собственное расследование могли дать ему ответы.

Хозяин башни Сяо Ци давно прознал об этих секретах и охотно вызвался подыграть — его манил Город Бессмертия и те тайны, что можно было из него выудить. Из всех вещей на свете Сяо Ци больше всего ненавидел недомолвки: чем усерднее от него что-то скрывали, тем яростнее в нём разгорался азарт во что бы то ни стало докопаться до истины.

Вот только эти две старые лисы ещё никогда не сталкивались с таким человеком, как Хэ Бугуй. На него не действовали ни фальшивые любезности, ни хитрые уловки. Решение Бессмертного объявить раненого юношу своим личным учеником прямо здесь и сейчас напрочь лишило их пространства для маневра, безжалостно разорвав паутину светских условностей и этикета.

Хуа Цзиньюнь задохнулся от возмущения. Даже Сяо Ци, выдавший виды и привыкший ничему не удивляться, на мгновение опешил.

Они переглянулись, понимая, что их тщательно выстроенный спектакль рушится на глазах. Но уступить не хотелось — как можно упустить добычу, которая сама шла в руки?

Сдерживая закипающий гнев, Хуа Цзиньюнь процедил:

— Мы глубоко чтим вас, достопочтенный Бессмертный, и не посмеем проявить неуважение. Однако ваш поступок столь внезапен, что невольно наводит на размышления. Уж не пытаетесь

ли вы под предлогом ученичества уберечь Юй Уцюэ от заслуженной кары? Если у вас есть веские причины для этого, почему бы не открыть их нам напрямую?

— Принятие в ученики — дело серьёзное, тем более когда речь идёт о преемнике самого Бессмертного Тайвэя, — вкрадчиво добавил Сяо Ци. — Дворец Небесного Предела — оплот праведности и глава всех орденов, славящийся строгим соблюдением приличий. Сегодняшний обряд выглядит поспешным, да и обязательные ритуалы совершены не полностью. Формально союз учителя и ученика ещё не скреплён. Быть может, лучше позволить Обители Безмерности допросить Юй Уцюэ, определить меру его вины, и когда он очистит своё имя, принять его под ваше крыло со всеми подобающими почестями?

Представители других школ молчали, не желая ввязываться в спор гигантов и навлекать на себя гнев сильных мира сего. Старейшины же Дворца Небесного Предела хранили безмолвие лишь потому, что порывы Бессмертного Тайвэя всегда оставались загадкой для окружающих. Лишь Бай Инчи, стоя чуть поодаль, снисходительно улыбался. Он прекрасно понял замысел младшего брата и решил не вмешиваться, предоставив тому полную свободу действий.

Все эти словесные уколы и скрытые намёки Хэ Бугуй благополучно пропустил мимо ушей. Но замечание Сяо Ци о нарушении ритуалов его задело.

С невозмутимым лицом он повернулся к Кунъю:

— Чего не хватает для завершения обряда?

— Наставник, полноценный обряд требует совершения четырёх подношений и ритуалов: соприкосновения лбами, напутственного слова, признания власти учителя и подношения даров — шусю, — почтительно отозвался Кунъю. — Первые три вы уже совершили. Остался лишь последний — дары признательности.

Подношение «шусю» — это традиционный подарок, который ученик вручает своему учителю в знак почтения и готовности учиться. Но сейчас Юй Уцюэ лежал на носилках едва живой, его одежда сгорела дотла, и при себе у него не было абсолютно ничего, что представляло бы хоть какую-то ценность.

Чем ему было платить за учение?

Хэ Бугуй впервые в жизни ощутил лёгкую неловкость.

Его новоиспечённый ученик оказался прискорбно, вопиюще нищ.

Юй Уцюэ, впрочем, быстро сообразил, к чему клонится дело. Он должен был подыграть наставнику, довести ритуал до конца и раз и навсегда заткнуть рты этим стервятникам.

Драгоценностей при нём не водилось, однако сам по себе он считал себя весьма ценным приобретением. Юй Уцюэ без малейшего стеснения перехватил прядь собственных волос и резким движением срезал её. Положив локон на ладони, он высоко поднял его над головой.

— У твоего верного ученика нет богатств, наставник. Позволь мне преподнести эту прядь в знак вечного почтения и верности.

— погоди, парень! Если ничего нет, лучше останься в долгу, — испуганно прошептал Юэ Тинфан, дёргая его за край носилок. — Волосами так просто не разбрасываются. Отрезать и подарить прядь — это же намёк на брачный союз, «связывание волос в знак единения сердец»...

Юй Уцюэ на ходу вывернул смысл старого обычая наизнанку:

— Тело, кожа и волосы дарованы нам родителями. Я был покинут ещё в младенчестве, но сегодня обрёл ваше покровительство и милость. Отныне вы для меня — отец и мать, даровавшие новую жизнь. Преподнося свои волосы, я лишь возвращаю долг сыновней почтительности. Прошу, примите мой дар, шифу!

«Ну ты и прохвост...» — только и смог подумать Юэ Тинфан, лишившись дара речи.

Этот абсурдный, шитый белыми нитками довод Хэ Бугую показался на редкость убедительным. Он аккуратно зажал тёмные волоски кончиками пальцев и невозмутимо спрятал локон в широкий рукав своего одеяния. Обернувшись к опешившим заговорщикам, он ледяным тоном произнёс:

— Обряд завершён. Отныне этот юноша — мой законный преемник. Какие ещё сомнения терзают ваши души?

Хуа Цзиньюнь яростно замигал Сяо Ци, побуждая того вмешаться. Но стоило хозяину башни открыть рот, как Хэ Бугуй предостерегающе указал на него пальцем:

— Избавь меня от своих речей. Слышать ничего не желаю. Это мой ученик, и его дела вас больше не касаются.

— Но он тайно практиковал запретное искусство! — не унимался тот.

— Сяо Ци, доставай свою бумагу, — перебил его Бессмертный. — Записывай: за проступок, связанный с запретными техниками, я лично доставлю своего преемника в Обитель Безмерности для допроса и покаяния. В самое ближайшее время.

Хэ Бугуй окинул обоих заговорщиков презрительным взглядом. Ладно бы они честно высказали свои притязания — тогда он, возможно, обошёлся бы без публичного унижения. Но их жалкие

попытки прикрыться благочестивыми намерениями, преследуя беззащитного юношу, выглядели мелочно и недостойно великих мастеров.

— Башня Воющей Луны славится своей осведомлённостью, — сухо добавил Хэ Бугуй. — Уверен, уже завтра за каждым нашим шагом будут следить сотни глаз. Поехали ли мы, как добирались — вся Поднебесная узнает подробности без ваших подсказок.

Осталось ли им что сказать?

Разумеется, нет.

Хуа Цзиньюнь побагровел от ярости, едва сдерживая kloкочущий внутри гнев.

Сяо Ци тоже понял, что ловить здесь больше нечего. Нехотя он начертал на специальном свитке приказ Башни Воющей Луны, отправил его с почтовым заклинанием и, увлекая за собой задыхающегося от злобы Хуа Цзиньюня, отступил назад.

Наблюдая за тем, как наставник одним махом сокрушил хитроумные планы старых лис, Юй Уцюэ едва не рассмеялся в голос. Он и прежде знал, что Хэ Бугуй умеет ранить словом, но видеть, как этот безупречный праведник откровенно упрямится и давит авторитетом, было в новинку. Стоя с прямой, как струна, спиной, Бессмертный ухитрялся выглядеть величественно, даже ведя себя вызывающе. Юй Уцюэ было плевать, что подумают другие, — эксцентричный нрав шифу пришёлся ему по сердцу как нельзя лучше.

Понимая, что назревавший конфликт разрешён столь бесцеремонным образом, Бессмертная Тайцин, Бай Шуцзин, больше не скрывала весёлой улыбки:

— Поздравляю младшего брата с обретением преемника! Уцюэ, возвращайся во дворец и залечивай раны. Разбираться с остальным будем потом, на свежую голову.

Она повернулась к притихшей толпе гостей:

— А теперь прошу уважаемых гостей проследовать в гостевые покои для отдыха.

Едва прозвучали эти слова, силуэт Бессмертного Тайбая, стоявшего среди старейшин, подернулся дымкой и растаял в воздухе. Это был лишь призрачный двойник. В тот же миг настоящий Бай Инчи, только что прилетевший на мече, опустился на землю неподалёку и неторопливым шагом направился к им навстречу.

Хэ Бугуй поднял взгляд. Его старший брат держал в руке лишь запечатанное письмо — золотую плетё с наконечником в виде змеиного хвоста он успел незаметно скрыть в просторном рукаве до того, как на него обратились взоры присутствующих.

Бай Инчи взмахнул рукавом:

— Причины сегодняшней трагедии прояснились. Прошу всех заинтересованных лиц позже собраться в Зале Духовной Оси для обсуждения.

У Синсюэ изумлённо вскинул брови:

— Неужели достопочтенный глава лично ловил преступника?

— Кто это?! Назовите имя! — нетерпеливо воскликнула глава алтаря Цзи Мэй.

— Не спешите, обо всём будет рассказано в подробностях, — мягко улыбнулся Бай Инчи, однако его взгляд на мгновение задержался на брате и сестре Лин. — Лин Сяо, Лин Лань, как только закончите с делами, тоже приходите.

Разбором завалов и прочими хозяйственными делами занялся Му Цинцзюнь со своими учениками, а раненых Истинный человек Юнлэ, Чан Юньцин, поспешил забрать в Долину Сотни Цветов для лечения. Хэ Бугуй, чувствуя смертельную усталость, обменялся с Бай Инчи парой слов, после чего вместе с Юй Уцюэ взобрался на борт парящего челнока, державшего путь обратно к их обители.

Когда умолкли крики и споры, оставив его в тишине наедине с безмолвными марионетками и наставником, Юй Уцюэ наконец в полной мере ощутил всю нереальность произошедшего.

У него появился учитель!

Пусть обстоятельства были дикими, а причины — вынужденными, Хэ Бугуй принял его. И теперь он имел полное, неоспоримое право называть Бессмертного Тайвэя своим шифу.

Человек, чьё мастерство создания марионеток гремело по всей Поднебесной, один из трёх великих Бессмертных нынешней эпохи — Хэ Бугуй отныне стал его личным наставником!

Однако долгожданная вспышка ликования так и не наступила. Радость померкла, вытесненная тяжёлыми думами: покалеченные ноги младшей сестры, туманное собственное прошлое и то бремя, которое он невольно возложил на плечи Хэ Бугуя, камнем легли на душу.

Глядя на наставника, который устало прислонился к спинке сиденья и массировал виски, Юй Уцюэ растерял весь свой задор. Сердце сжалось от глухой тревоги, и он тихо, едва слышно вздохнул.

Хэ Бугуй едва заметно шевельнул веками. Не открывая глаз, он спросил:

— Что тревожит тебя?

— Наставник, почему глава Бай велел брату Сяо и сестре Лань явиться во Дворец Духовной Оси? — тихо спросил Юй Уцюэ.

Хэ Бугуй промолчал.

— Если глава уже вычислил предателя... неужели это как-то связано с ними? — не унимался юноша.

— Это Лин Сы, — Хэ Бугуй со вздохом открыл глаза, полные неизбывной усталости. — Боюсь, над сектой Юйлин сгущаются тучи. Им грозит скорая гибель.

— Дядя Лин? — Юй Уцюэ не поверил своим ушам. — Но почему?!

Часом ранее. Водопад Рыбьего Рта

Бай Инчи задал Лин Сы тот же самый вопрос:

— Почему?

Лин Сы лишь горько усмехнулся. Увидев, что по его душу явился сам Бай Инчи, он оставил всякую мысль о сопротивлении. Усевшись прямо на землю позади защитного барьера, он спокойно обмакнул кисть в чернила и принялся писать письмо.

Подводный зверь Гуйюй, уносивший Божественную деву, уже прорвался сквозь бурлящие потоки Водопада Рыбьего Рта и канул в бездну ущелья. Подобные твари могли стремительно перемещаться по илистому руслу реки, оставаясь незаметными для чужих глаз. Стоило им покинуть границы владений Дворца Небесного Предела, как течение вынесло бы их к восточному устью, прямо в море.

Поняв, что по его следу идет преследователь, чья духовная мощь превосходила всякое воображение, он принял единственное верное решение — остаться и выиграть время, чтобы дать Божественной деве уйти. При удачном раскладе он надеялся продержаться до того момента, пока чудовище не скроется в глубинах, а затем ускользнуть следом. Но судьба распорядилась иначе.

Против Бай Инчи у него не было ни единого шанса. Понимая, что ловушка захлопнулась, он решил напоследок уладить земные дела.

Защитный барьер перед ним не мог сдержать Бессмертного Тайбая и выглядел жалкой игрушкой. Бай Инчи даже не удостоил его взглядом. Он лишь с грустью смотрел на мятежного главу ордена:

— Твои дети умны, отважны и полны надежд. Им суждено было унаследовать твоё дело и принести вечную славу секте Юйлин. Глава Лин, что за безумие заставило тебя бросить семью, предать доверявших тебе людей и растоптать вековую честь своего ордена?

— То, что великий глава явился сюда в одиночку, дабы сохранить мои жалкие остатки достоинства... Лин никогда не забудет этой милости. Примите мою искреннюю благодарность, — он на миг замер, но затем снова принялся водить кистью по бумаге.

Бай Инчи терпеливо ждал, не делая попыток приблизиться:

— Я сделал это ради Лин Сяо и Лин Лань. Им ещё жить в этом мире, и я обязан позаботиться об их будущем. Каково бы им пришлось, если бы их родного отца, закованного в цепи, швырнули под ноги ликующей толпе?

Лин Сы поморщился от боли. С трудом сдерживая нахлынувшие чувства, он глухо проговорил, не прерывая письма:

— Они славные дети, к тому же Дворец Небесного Предела всегда благоволил им. Видит небо, они ничего не знали о моих замыслах. Когда правда выйдет наружу... умоляю вас, защитите их от гнева толпы.

— Даю тебе слово, — отозвался Бай Инчи.

Он глубоко вздохнул, бережно отложил кисть и запечатал письмо.

— Ваша щедрость безгранична, и мне нечем отплатить за неё. Прошу вас, передайте это послание моей супруге и детям. И вот это тоже.

Он вынул бережно свернутую золотую плетть с наконечником в виде змеиного хвоста — священную реликвию и символ власти главы секты Юйлин — и аккуратно положил её поверх конверта. Лишь после этого он медленно поднялся на ноги.

— Найдётся ли у великого главы немного времени, чтобы выслушать одну старую историю? Быть может, тогда вы поймёте, почему я пошёл на этот шаг.

— Говори, я слушаю.

— Двадцать шесть лет назад прибрежные воды Южного моря заполонили свирепые водяные

демоны. Я отправился на битву вместе с отцом, но в жестокой схватке получил тяжёлое ранение и канул в пучину. Меня сочли погибшим. Пять дней спустя я очнулся в дивном месте, скрытом от остального мира. Как выяснилось позже, это было тайное убежище племени Яньло. Моей спасительницей оказалась Цзян Сюэмэй, дочь вождя.

Океанские глубины безбрежны и таят в себе бесчисленное множество чудес и опасностей. Некоторые миролюбивые племена приспособились жить внутри колоссальных древних китов, находя там покой и защиту от внешнего мира. Племя Яньло было одним из таких скрытых народов.

В тот злополучный день раненого Лин Сы затянуло в исполинскую пасть дышащего кита. Цзян Сюэмэй вместе с сородичами как раз собирала рыбу у дыхания чудовища, когда заметила среди груды улова окровавленного юношу. Сжалившись над чужаком, она забрала его в лагерь.

Начало этой истории любви человека и демона может показаться банальным. Среди старейшин племени поначалу звучали голоса против присутствия чужака, ведь его появление могло разрушить их вековой покой. Однако врождённая доброта взяла верх над страхом. Члены племени Яньло выходили раненого юношу и позволили ему остаться.

Он страдал не только от глубоких ран — ядовитая слюна морской твари отравляла его кровь. К счастью, у лекарей Яньло нашлось редкое противоядие. За три месяца заботливого ухода яд полностью покинул тело юноши, а раны затянулись. За это время между ним и Цзян Сюэмэй, не отходившей от его постели ни на шаг, вспыхнуло искреннее чувство.

Окрепнув, он стал помогать своим спасителям защищаться от набегов подводных хищников. Его боевое мастерство и скромный, уважительный нрав быстро снискали ему уважение соплеменников. Вскоре даже сам вождь признал в нём достойного преемника и друга.

Останься он тогда в этой тихой гавани, разделив судьбу с любимой до конца дней, сегодняшней трагедии удалось бы избежать.

Но ему было всего семнадцать лет. Впереди его ждало славное будущее: наследование титула главы, великие свершения и битва со злом. Какой пылкий и тщеславный юноша согласился бы похоронить свои амбиции в безвестной пучине, пусть даже ради самой прекрасной девы?

Бай Инчи сочувственно вздохнул:

— И ты бросил её ради мирской славы?

— Нет, — его голос дрогнул от воскресшей боли. — Я взял её в жёны на глазах у всего племени. Мои чувства были чисты, я не собирался предавать её ради выгоды. Поскольку Сюэмэй не могла покинуть океан, мы нашли компромисс: каждый год я проводил несколько месяцев с ней в подводном царстве. Однако женитьба — дело серьёзное. Я заключил союз втайне от всех, но рано или поздно должен был открыться родителям.

Он надеялся на понимание — его родители всегда славилась мягкосердечием и вряд ли стали бы чинить препятствия из-за нечеловеческого происхождения невесты. К тому же Сюэмэй спасла ему жизнь, и этот брак казался справедливым возвращением долга чести, подкреплённым взаимной любовью.

Но отец лишь притворился, будто одобряет выбор сына. Ссылаясь на то, что подобает соблюсти все приличия и лично просить руки девы у её отца, он удерживал Лин Сы дома. Тем временем старший Лин вызнал координаты убежища Яньло. Без ведома сына он ворвался в мирную обитель, намереваясь подчинить своей воле священных зверей племени, а столкнувшись с отпором, устроил кровавую бойню. Уцелевшие члены племени в панике бежали в неизведанные глубины, бесследно растворившись в океане.

Долгое время они обменивались весточками, но затем связь внезапно оборвалась. Когда же Лин Сы наконец получил последнее письмо от супруги, слова её дышали ледяным презрением. Сюэмэй узнала, что он — наследник ордена Юйлин, заклятых врагов её народа. Она проклинала собственную слепоту и доверчивость, заставившие её полюбить палача, и навсегда отрекалась от их союза.

Лин Сы был безутешен. Он метался по побережью, пытаясь отыскать хоть какой-то след, но если морские жители желают скрыться, человек никогда не найдёт их в бездонной пучине. Родители же твердили, что демоны по природе своей вероломны, капризны и не знают благодарности, а потому не стоит лить слёзы по бездушной твари. Со временем он и сам начал верить в то, что стал жертвой чужого каприза и напрасно отдал своё сердце той, кто так легко от него отказалась.

Годы летели чередой. Лин Сы обзавёлся новой семьёй, воспитал детей и занял пост главы ордена Юйлин. Его отец давно отошел в мир иной, похоронив тайну своей жестокости. Казалось, те юношеские ошибки стёрлись из памяти, но однажды во время экспедиции на поиски Драконьего дворца Лин Сы наткнулся на раненого водяного демона, собиравшего редкие травы в смертельно опасном ущелье. В его чертах сквозило поразительное сходство с племенем Яньло. Спасши бедолагу, он втёрся к нему в доверие и вызвался проводить до дома.

Втайне надеясь узнать хоть что-то о судьбе Сюэмэй, он скрыл своё настоящее имя и вошел в новое поселение Яньло. Некогда процветающее племя теперь влачило жалкое существование. Спасённый юноша умолял заезжего мастера взглянуть на их угасающую соплеменницу — вдруг у праведного заклинателя найдётся чудодейственное лекарство. Войдя в убогую хижину, он замер в оцепенении: лицо измученной недугом девушки почти в точности повторяло его собственные черты.

Как поведал ему проводник, после того нападения вождь погиб, а Цзян Сюэмэй, вина себя в гибели сородичей, наложила на себя руки. Она умерла, даже не зная, что носит под сердцем дитя. Старейшины сумели спасти младенца из утробы мёртвой матери с помощью древней магии. Но дитя союза человека и демона ждала страшная кара: с годами ядовитая кровь чудовища начала выжигать изнутри хрупкую человеческую плоть, причиняя невыносимые муки. Из уважения к памяти вождя племя долгие годы поддерживало в ней искру жизни, но их скудные средства иссякли, а болезнь зашла слишком далеко.

Дойдя до этого места в своём рассказе, он закрыл лицо руками. На исходе лет он повидал немало смертей и трагедий, но эта рана оказалась не под силу времени. Бывают раскаяния, которые приходят слишком поздно, но терзают душу до самого гробового входа. Цзян Сюэмэй осталась его единственной подлинной любовью, его вечной болью и несмываемым позором.

Племя Яньло было уничтожено по вине его семьи, его жена погибла в отчаянии, и лишь эта несчастная девушка, угасающая в страшных муках, служила живым свидетельством преступлений рода Лин. Эти долги крови требовали уплаты. И он принял это бремя. Он не мог отвернуться от собственного ребёнка.

— Её зовут Цзян Нин, — хрипло выдохнул он, и слёзы хлынули по его постаревшему лицу. Это был не плач перед судьей, а крик истерзанной души, обращённый к небесам — к погибшей супруге, к павшим невинным жертвам и к собственной совести. — Плевать на славу, на орден, на саму жизнь! Я погубил мать, но дочь... дочь я обязан спасти!

<http://bllate.org/book/20165/2192261>